

МЕТОДОЛОГИЯ

П.А. ОРЕХОВСКИЙ

Авторитетный дискурс российского экономиста

В работе рассматриваются основные концепты современного российского экономического дискурса, доказываемая, что главным становится перформативный, а не констатирующий элемент высказывания. Идеология, к которой принадлежит авторитетный дискурс, – вульгарный либерализм, формирующий одинаковый подход к рынкам медицинских, образовательных, сексуальных, религиозных и других услуг и товаров. Авторитетный дискурс позволяет конструировать “правдоподобные миры”, однако в целом он нейтрален по отношению к реальности, а отдельные теории в его рамках могут быть и откровенно антиреалистичными. Использование концепта методологического индивидуализма позволяет упразднить проблему соответствия теории и реальности. В результате главной функцией науки становится не получение нового экономического знания, но пропаганда, что роднит экономику с теологией.

Ключевые слова: дискурс, теория, реальность, рынок, конкуренция, экономический человек, государство, методологический индивидуализм.

Методология и рамки исследования

Дискурсивный анализ не является чем-то новым для российской экономической науки. Так, в своей пионерной работе В. Ефимов попытался предложить этот инструмент в качестве методологии, альтернативной мейнстриму, одновременно указывая на слабости традиционного экономического анализа [Ефимов 2011^a; 2011^b]. Е. Балацкий, опираясь на О. Розенштока-Хюсси и в целом соглашаясь с Ефимовым, обосновывает необходимость поиска “подлинных” слов, которые помогли бы избежать социальных дисфункций (войны, кризиса, анархии и революции) [Балацкий 2014]. А. Кламер в недавно переведенной на русский язык книге обосновывает идею, что “об экономической науке следует думать как о разговоре, или, точнее, о пространстве разговоров” [Кламер 2015, с. 3].

Задачи данной работы гораздо скромнее: я хочу лишь коротко описать основные концепты авторитетного дискурса российских экономистов. Язык служит средством не только передачи информации, но и инструментом *интеллектуального доминирования*. Ученые-экономисты, за редким исключением, предпочитают игнорировать эту “идеологическую” функцию, настаивая на своей неангажированности и объективности. Понятие объективности при этом предполагает вынесение субъекта познания за пределы социальной реальности – он независим от политики, материальных интересов и даже коллег “по цеху”. Научная терминология в идеале не предполагает социаль-

Ореховский Петр Александрович – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономики РАН, профессор Финансового университета при Правительстве РФ. Адрес: Нахимовский просп., д. 32, Москва, 117218. E-mail: orekhovskypa@mail.ru.

ной иерархии, а подчиняется лишь требованиям максимально точного и достоверного описания экономических процессов.

По моему мнению, такой идеал недостижим, и в конструкциях языка неявно отражается распределение власти научных школ или, другими словами, символической власти. Репрезентация языковых оснований доминирования позволяет лучше понять как сильные стороны той или иной исследовательской стратегии, так и ее ограничения. Но прежде чем перейти к характеристике такой репрезентации, необходимо договориться о терминах и ввести несколько определений. Хотя понятия, связанные с языком и символической властью, широко применяются в социологии, в экономической науке они практически не используются.

Отправная точка моего анализа – *дискурс* как язык, который используется экономистами для характеристики интересующих их проблем. Использование экономического дискурса предполагает, во-первых, наличие определенной терминологии, которая, в свою очередь, – необходимая часть той или иной научной парадигмы. Использование категорий из разных парадигм допускается, однако при этом делаются соответствующие оговорки, вводится своего рода “словарь соответствия”. Во-вторых, в дискурсе соблюдаются определенные правила, характерные не только для научного, но и для обычного “всеобщего” языка.

Формулировка большинства утверждений предполагает наличие *констатирующей* и *перформативной* составляющей. Констатирующая часть высказывания несет в себе собственно смысловую нагрузку – субъект утверждает, отрицает, описывает, выдвигает гипотезы и т.д. Напротив, перформативный элемент речи осуществляет конвенциональную практику, воспроизводство определенного ритуала, предназначенного для демонстрации принадлежности субъекта к “своей” социальной группе и отграничения от “чужих”. Перформативная составляющая оказывается весьма существенной для разграничения как между учеными, оперирующими понятиями в рамках разных парадигм, так и для различения научных школ внутри одной парадигмы.

Идея *перформативного сдвига* лежит в центре прекрасного исследования краха СССР как культурного феномена, выполненного А. Юрчаком [Юрчак 2014]. Наличие перформативного сдвига, в соответствии с которым воспроизводство тех или иных лексических оборотов, выражений, цитат становится намного более важным, нежели их смысловая нагрузка, принципиально для понимания как прошлого, так и настоящего состояния экономических дискуссий в России. Любой научный дискурс *a priori* ограничен, и отдельные используемые категории или совсем выходят из обихода, либо дополняются и видоизменяются. Однако это происходит в основном с констатирующей составляющей дискурса. Перформативный элемент, напротив, либо фиксируется, либо изменяется относительно мало, поскольку речевая практика закрепляет отношения символической власти. Последняя, в соответствии с концепцией “структуры полей” П. Бурдьё, представляет собой отношения иерархии (господства – подчинения) в сфере производства интеллектуальных образов [Бурдьё 1994]. Использование определенного корпуса цитат, списков основных авторов, следование определенной логике и форме изложения – примеры реализации символической власти. Существенное изменение в распределении такой власти, выстраивание новых иерархий происходит здесь, по-видимому, даже медленнее, чем во власти политической, а научные революции происходят так же редко, как и революции социальные.

Дискурс становится *авторитетным* в условиях, когда субъекты, обладающие символической властью, приходят к консенсусу о том, что *должно считаться* ценным, *научным*. Такой консенсус формируется под влиянием не только живых и активно действующих субъектов (акторов), но и авторов из далекого прошлого, каких-либо моделей или особенных исторических фактов (Б. Латур называет таких субъектов актантами, выделяя их в отдельную группу, дополняющую акторов [Латур 2013]). Естественно, и работы экономистов прошлых лет, и исторические факты подлежат ре-интерпретации со стороны действующих акторов, и могут быть использованы для манипулирования общественным мнением, но это не так важно. Авторитетный дискурс не означает, что

любое высказывание в его рамках истинно: он может использоваться для разработки противоречащих друг другу концепций. Однако авторитетный дискурс определяет способы и формы высказывания, разграничивая “ученых” и “шарлатанов”. В идеале он претендует на *безальтернативность*, предопределяя структуру научной дискуссии. Например, какое-то время доминировало убеждение, что экономический анализ, не доведенный до уровня математической формализации, не может претендовать на научность (у большей части сообщества ученых-экономистов это убеждение сохраняется и до сих пор). Такое убеждение, в принципе, остается частью авторитетного дискурса и сейчас, однако ныне, по крайней мере отчасти, признается обоснованность и вербальных высказываний.

Даже во времена господства марксизма в России экономический дискурс допускал вариативность как в терминологии, так и в способах высказывания. Соответственно, предмет анализа данной работы – существенная часть дискурса российских экономистов, однако (оговорюсь сразу) мои выводы не претендуют на всеобщность. В рамках “мейнстрима” можно выделить большое количество исследований, в отношении которых мои выводы справедливы частично или и вовсе не верны. Поэтому далее я не стану рассматривать, *что именно* имели в виду К. Маркс или Ф. фон Хайек, М. Фридмен или Дж. Кейнс: у каждого из этих выдающихся экономистов можно найти много высказываний, которые сильно расходятся с современными концепциями, в основу которых, как утверждается, положены теоретические положения, выдвинутые упомянутыми исследователями. Интерес для меня представляют те интерпретации, которые приобрели характер *банальности*, и в качестве таковых, в частности, включаются в различные учебные пособия по экономике или цитируются в СМИ. Именно такие массовые, общепринятые концепты становятся институциональной основой воспроизводства экономистов: они оперируют усвоенными в бакалавриате, магистратуре и аспирантуре категориями и принимают хозяйственные решения в рамках авторитетного дискурса.

Напротив, изощренные теоретические конструкции остаются на периферии экономических дискуссий. Хотя престижные награды и почетные звания даются именно за эти модели, но они обычно достаточно сложны и трудны для понимания не только широкой публики, но и обычного “среднего” специалиста, получившего высшее экономическое образование. Для того чтобы впоследствии приобрести влияние, широкую известность и войти в состав авторитетного дискурса, такие концепции должны подвергнуться опрощению, или, если использовать латинские синонимы, вульгаризации и популяризации¹. Поэтому предметом моего анализа стал дискурс, широко применяемый при написании кандидатских (а зачастую – и докторских) диссертаций, в статьях публицистов, журналистов, разного рода “социальных мыслителей”, высказывающихся на экономические темы. Я оставляю за рамками анализа принципиальные пионерные работы, получившие широкую известность, вокруг которых продолжают дискуссии по поводу того, *что именно* имел в виду тот или иной выдающийся экономист.

Наконец, важный аспект работы – соотнесение авторитетного дискурса и реальности. Я использую следующие понятийные разграничения:

– *концепция, теория* – знание, тем или иным образом оформленное познающим субъектом и предложенное коллегам к восприятию, обсуждению, использованию. Концепции, теории, парадигмы – все они существуют только в рамках определенных дискурсов и неявно предполагают наличие констатирующего и перформативного элементов в своих формулировках;

– *реальность* – наблюдаемая познающим субъектом действительность. Реальность существует и за пределами языка, формируя опыт субъекта. Такой опыт, проходя, в частности, через риторический фильтр, может быть оформлен как концепция

¹ Хороший пример такого опрощения и включения научных концептов в авторитетный дискурс – [Сонин 2011].

при помощи того или иного (в нашем случае, экономического) дискурса. Необходимо отметить, что поскольку познающих субъектов много, постольку может быть много и реальностей. Наблюдения, эмоции, факты трансформируются в личный опыт исследователя по-разному. В естественных науках проблема “множества реальностей” также существует, но там она снимается с помощью механизма повторного воспроизведения эксперимента в лаборатории; таким образом, опыт одного исследователя становится доступен другим. В социальных науках механизм воспроизведения, а также совместного наблюдения и подтверждения результатов сравнительно менее доступен. В экономической науке дискурс не только описывает, но и отчасти формирует наблюдаемую реальность, определяя статистические, финансовые показатели или описание социальных институтов;

– *действительность* – реальность без познающего субъекта. Допущение о существовании такой действительности является метафизическим – она существует за пределами нашего опыта. Тем не менее то, что можно предположить в отношении действительности, – это наличие в ней “объективных законов”, истины, которую пытается постичь познающий субъект, наблюдая за доступной ему реальностью. Действительность, в отличие от реальности, – “едина” и “объективна”.

Методологическое требование о необходимости соотнесения концепций с экономической реальностью не является общепринятым. Так, выдающийся американский исследователь А. Рубинштейн манифестирует, по сути, антиреалистическую позицию: «Я считаю, что как экономисту-теоретику мне почти нечего сказать о реальном мире и что лишь очень немногие модели в экономической теории могут использоваться для серьезных консультаций... Как экономисты-теоретики мы организуем наше мышление с помощью того, что мы называем моделями. Слово “модель” звучит научнее, чем “басня” или “сказка”, хотя большой разницы между ними я не вижу... Да, я действительно полагаю, что мы просто баснописцы, но разве это не чудесно?» [*Рубинштейн* 2008, с. 79–80].

Противоположную позицию занимает методолог Т. Лоусон: “Моей собственной... отправной точкой был (широко признанный) феномен: неспособность современной экономической науки прояснить мир, в котором мы живем. Наука переживает период разброда, усугубляемого пониманием необходимости изменить ситуацию или по крайней мере дополнить доминирующие стратегии другими, более полезными и успешными... Что касается моего проекта, то его основная задача состояла в обнаружении причин неудач нашей научной дисциплины. Оказалось, что проблемы связаны не столько с вопросами, которые волнуют сегодня экономистов... сколько с теми, которым до сих пор уделяли слишком мало внимания. В частности, я утверждал, что проблемы современной дисциплины связаны с пренебрежением онтологией” [*Лоусон* 2012, с. 445].

Авторитетный дискурс российского экономиста претендует не только на реализм, но и на прагматизм: в нем широко используется концепт эффективности (“невидимая рука” рынка должна приводить к росту результатов и снижению затрат). Заодно, декларируя политическую нейтральность, он – *нормативен*, формирует определенную идеологию. Как указывает Д. Норт: “Под идеологией я понимаю субъективное восприятие (модели, теории), которым располагают все люди для того, чтобы объяснять окружающий мир. Будь то на микроуровне индивидуальных взаимоотношений или на макроуровне организованных идеологий, дающих целостное объяснение прошлого и настоящего, таких, как коммунизм или религии, — в любом случае *теории*, создаваемые отдельными людьми, *окрашены* нормативными представлениями о том, как должен быть организован мир” [*Норт* 1997, с. 41]. Норт – редкое исключение среди экономистов: он говорит об идеологической окрашенности экономического анализа напрямую. Возвращаясь к высказыванию Рубинштейна об экономистах-баснописцах, можно заметить: “сказка – ложь, да в ней – намек...”. Задача характеристики авторитетного дискурса российского экономиста не только в том, чтобы выявить степень его “сказочности”, но и попытаться понять те уроки, которые преподносят обществу эти сказки.

Основные концепты авторитетного дискурса российских экономистов

Рынок. В экономической теории первоначально рынок рассматривается как *место*, где встречаются продавцы и покупатели и в котором происходит *обмен*. Еще Р. Кантильон в “Опыте о природе торговли вообще” выделял деревни, поселки (бурги), города и столицы. Поселок отличается от деревни наличием рынка, в городе рынок больше, чем в поселке, в столице – больше, чем в городах. При этом рынок мало чем отличается от *предприятия*: он организуется *административно*, как позднее – биржи. Такая привязка рынка к месту сохраняется и в XIX в. О. Курно дает следующее определение: “...рынок – это всякий район, где взаимодействия покупателей и продавцов друг с другом столь свободны, что цены на одни и те же товары имеют тенденцию легко и быстро выравниваться” (цит. по [Ходжсон 2003, с. 255]).

Постепенно этот концепт заменяется другим, и его “привязка к месту”, локализация, исчезает. Акцент делается на социальной организации. Л. фон Мизес пишет: “Рынок... есть общественная система разделения труда в условиях частной собственности на средства производства... Рынок не является ни местом, ни вещью, ни коллективной сущностью. Рынок – это процесс, приводимый в движение взаимодействием множества индивидов, сотрудничающих в условиях разделения труда” [Мизес 2000, с. 243]. Тем не менее это определение еще сохраняет в себе следы классического подхода – разделение труда явным образом перекликается с основополагающим трудом А. Смита. Принципиальным здесь для Мизеса является социальная организация, основанная на частной собственности и разделении труда – “капитализм”; это противопоставляется “социализму”, основанному на общественной собственности. Капитализм – это рынок, или рыночное хозяйство; социализм – план, “командная экономика”. В общем-то, в рамках этого противопоставления словосочетание “социалистический рынок” представляется оксюмороном. Политическая экономия социализма, которая через К. Маркса также восприняла традицию классической политической экономии, использует категорию “товарно-денежные отношения”.

К концу XX в. доминирующий концепт рынка претерпевает дальнейшие важные изменения. В. Найшуль, российский экономист, позиционирующий себя в качестве сторонника экономического либерализма, в 1980-е гг. применяет понятие бюрократического рынка, или “экономики согласований”. Главным здесь становится *наличие обменных отношений*, а целью обмена может быть все, что угодно: «На бюрократическом рынке в СССР помимо описанных выше горизонтальных обменных отношений между относительно равноправными участниками, входящими в различные иерархические структуры, действуют еще и вертикальные, неравноправные. Они построены на подчинении, которое, однако, не является *делом страха и чести, как в сталинские времена* (курсив мой. – П.О.), а торговой сделкой сильного вышестоящего органа, имеющего заведомо больший вес, со слабым, нижестоящим.

Наличие асимметричных вертикальных отношений приводит к появлению на бюрократическом рынке продажных ценностей иерархического общества. Отраслевые органы торгуют, в основном, планами производства и распределения ресурсов, нормативные – методикой учета хозяйственной деятельности, контрольные – административными инструкциями, часть из которых в нашей стране называется законами, партийные – всеми ценностями административной системы, независимо от иерархической принадлежности. Предметом торговли является также согласие и несогласие выполнять распоряжения и инструкции (законы), власть и положение в иерархических структурах.

Таким образом, бюрократический рынок реализует общественный строй, где действительно все покупается и продается; даже то, что не подлежит покупке в обычной рыночной системе. Необходимо, однако, отметить, что обмены осуществляются не любыми благами между первыми встречными людьми “с улицы”, а только через определенные обменные цепочки, которые либо возникают от случая к случаю, либо действуют постоянно...

Называя нашу систему бюрократическим рынком, мы немного лукавили, принося точное ее определение – “административный рынок” в жертву удобству употребления международно принятого термина. Мы практически не имеем настоящей бюрократии, верной своему служебному долгу и умеющей четко и добросовестно выполнять все инструкции и распоряжения вышестоящих органов» [Найшуль 1990].

Легко заметить, что Найшуль в данной работе осуществил риторическое обобщение, сведя все виды социальных взаимодействий (основанные на легитимном и нелегитимном насилии, формальные и неформальные, этичные и неэтичные, и т.д.) к обмену. Далее, добавляя к термину “обмен” прилагательные “рыночный” (синонимы: эффективный, легитимный, хороший) и “бюрократический” (синонимы: административный, неэффективный, незаконный, вредный), он вводит нормативные, идеологические оценки. Констатирующий элемент дискурса Найшуля состоит в полной делегитимации советского политического режима, но за счет чего достигается данный эффект? Советские экономисты не только не отрицали наличие административного регулирования и согласований, но напротив, подчеркивали это, используя (впрочем, как и Мизес) категории “плана” и “общественной собственности”. Можно по-разному аргументировать преимущества рыночного саморегулирования или централизованного планирования. Найшуль применяет оригинальный для того времени концепт, отождествляя советский процесс планирования с *испорченной, деградировавшей и мутировавшей разновидностью рынка*. Аппелляция к “международно принятому термину” – перформативный элемент используемого дискурса, тем самым автор демонстрирует свою принадлежность к “мировой науке”, полностью исключая какую-либо возможность апологетики советской системы. Единственный вариант оппозиции, который допускает данный дискурс, – сталинизм, однако эта позиция изначально морально ущербна.

Предложенный Найшулем дискурс не стал авторитетным. Работы Э. Бароне, О. Ланге, посвященные планированию, прочно вошли в состав мейнстрима, и представление о планировании как об испорченном рынке было экзотическим даже для России. Тем не менее концепция Найшуля претендовала на *реалистичность*. Провалы советского планирования было невозможно отрицать; а в рассматриваемой работе предлагалась их оригинальная интерпретация.

Причина, по которой я решил напомнить об этой, ныне почти забытой работе, состоит в том, что в ней уже используется современный концепт рынка, далеко ушедший от определения фон Мизеса. В нынешнем авторитетном дискурсе рынок рассматривается в качестве *синонима обмена*. На этот обмен распространяются категории неоклассического анализа: предельные издержки и предельный доход, эластичность, рыночные структуры. Зачастую этот концепт откровенно антиреалистичен.

Отмечу, что отступления от реализма возникают уже в модели фирмы, которая интерпретируется как производственная функция. На практике при принятии решений менеджмент использует категорию приростных затрат, распределяемых на группу (партию) товара (услуг), а не предельных издержек, которые рассчитываются по каждой единице продукции (услуги). Решения принимаются в условиях дефицита информации о спросе, и т.д. Все же при определенных оговорках такая модель дает неплохое приближение к реальности.

Однако если рассматривать рынок сексуальных, или, скажем, коррупционных услуг, то категории предельных издержек и предельного дохода, рыночное равновесие и другие составляющие дискурса экономиста полностью антиреалистичны применительно к акторам этих рынков. Более того, сами экономисты были бы глубоко оскорблены предположением, что в рамках верификации своих концепций они могли бы участвовать в производстве и/или потреблении услуг такого рода. Тем не менее соответствующие работы периодически появляются в печати² и весьма красноречиво

² Анализу рынков сексуальных, образовательных, коррупционных, медицинских, юридических (включая охрану правопорядка или, напротив, рейдерство) услуг посвящены сотни, если не тысячи работ российских экономистов. Есть исследования, посвященные рынку религиозных услуг (при этом мировые религии рассматриваются как монополистические, тоталитарные, а разнообразные секты и общины создают настоя-

характеризуют и сложившийся авторитетный дискурс, и произошедший в нем перформативный сдвиг. Содержание констатирующего элемента в том, что в любой из рассматриваемых сфер рыночный механизм позволяет добиться эффективного равновесия, в котором достигается максимум удовлетворения (полезности) для сторон, принимающих участие в обмене. Иногда к этой констатации добавляют разные оговорки, связанные с “контролем” и “регулированием”, направленными на интернализацию внешних эффектов в соответствии с “теоремой Коуза”. Основное же место в этом концепте занимает перформативный элемент: графики и функции, оценка структуры рынка, рассуждения о природе агентов и правах собственности, обязательные ссылки на предшественников и коллег – все это призвано продемонстрировать определенного рода квалификацию, которая включает в себя лояльность и принадлежность авторов к экономическому мейнстриму. В этом и заключается результат перформативного сдвига: соотносительность концепции с реальностью, значение собственно констатирующего элемента высказывания имеет минимальное значение, главным становится демонстрация приверженности к традиции, использование определенных аналитических инструментов и риторических приемов.

Авторитетный дискурс российского экономиста использует концепт рынка как “реальный” *вне контекста*, что приводит к созданию реальностей-“сказок”, полностью отрывающихся от действительности. Другими словами, неважно, о чем идет речь – о рынках хлеба и стали или коррупционных и религиозных услуг. Везде, где наличествует обмен, и тем более там, где присутствуют деньги, есть рынок, а значит, должен применяться неоклассический (и неоинституциональный) инструментальный анализа. В этом концепте рынок образовательных и медицинских услуг почти ничем не отличается от рынка сексуальных услуг, разве что на последнем исследователям, работающим в рамках данного концепта, становится труднее выделять “коррупционную составляющую”. Перформативный сдвиг предполагает, что институциональные рамки рынков должны совершенствоваться, и это означает, что рынки станут эффективными, то есть обладающими высокой мобильностью рабочей силы и капитала, а также будут иметь низкие входные барьеры. Бюджетные услуги по необходимости включают коррупционную ренту, услуги частного сектора такую составляющую не включают. Целью реформ государственного сектора становится повышение эффективности работы рынков и снижение коррупции.

Последний тезис в рамках авторитетного дискурса – уже *идеологический и безальтернативный*. Как и в случае с “бюрократическим рынком”, в рамках данного концепта предлагаемое реформирование невозможно оспорить, не становясь на позиции защитника коррупции и неэффективной растраты денег.

Конкуренция. Экономисты-классики, включая Маркса, понимали под конкуренцией процесс рыночной борьбы, соперничества, цель которого – получение каждым участником этого процесса максимума прибыли. Необходимые элементы данного концепта – издержки, выручка (и цена), доля рынка. Каждый из конкурентов стремится увеличить свою долю рынка, поскольку это способствует росту выручки и при постоянных или снижающихся издержках на единицу товара увеличивает прибыль продавца. Кроме самого конкурента, получателем выгод конкуренции становится потребитель, который покупает товар по более низкой цене. Классический концепт конкуренции нормативно противоречив: с одной стороны, конкуренция повышает эффективность работы рынков, с другой – разоряет часть продавцов и ведет к своему диалектическому отрицанию – централизации капитала и монополизации.

Представление о конкуренции модифицировалось Й. Шумпетером, который в своей известной работе [Шумпетер 1982] сместил акцент с анализа ценовой борьбы на внедрение инноваций. Конкуренция рассматривалась им как борьба *разнородных*

щую конкурентную среду, позволяющую приобретать *качественный продукт*). Подавляющее большинство из них выполнено в рамках характеризуемого авторитетного дискурса. Я не привожу ссылки на конкретные работы, поскольку не вижу смысла в выделении – в позитивном или негативном смысле – отдельных авторов; читатель сам легко может найти массу примеров, просто запустив интернет-поиск.

товаров и технологий между собой. На этот концепт конкуренции опирается и Ф. Хайек: «...то, о чем идет речь в теории совершенной конкуренции, вообще имеет мало прав называться “конкуренцией”... выводы из этой теории не могут принести никакой пользы в качестве руководства для политики» [Хайек 2011, с. 111]. Дополнительно к продуктовым и технологическим могли внедряться маркетинговые, логистические и бизнес-инновации. Такая борьба получила название шумпетерианской конкуренции: ее результатом оказывается постоянная структурная перестройка экономики, а это выходит за рамки неоклассического мейнстрима. В результате шумпетерианское и традиционное понимание конкуренции стали функционировать в экономическом дискурсе как два независимых концепта, объединяясь только в категории *предпринимательства*. Предприниматель – конкурент, готовый не только снижать цены, но и осуществлять инновации. При этом (что наверняка сильно удивило бы Шумпетера, связывавшего затраты на НИОКР и технологические инновации с величиной бизнеса и поэтому защищавшего монополии) нынешний предприниматель должен уметь собрать у себя в гараже все, от компьютера до ядерного реактора. Российский концепт инноваций в первую очередь связан с *малым бизнесом*³.

Следующая важная модификация концепта конкуренции связана с именами Дж. Робинсон и Э. Чемберлина [Робинсон 1986; Чемберлин 1996]. Здесь концепт конкуренции смещается от соперничества к *контролю за ценой и объемом спроса*. В случае чистой (совершенной) конкуренции продавец никак не может повлиять на цену, в случае несовершенной конкуренции появляется слабая степень контроля, олигополия предоставляет продавцу существенный контроль за ценой, и наконец, монополист полностью контролирует цену, выбирая тот объем сбыта, который позволяет ему максимизировать прибыль⁴. Это иллюстрируется с помощью соответствующих графиков – для чистой конкуренции кривая спроса горизонтальна (спрос бесконечно эластичен по цене), в случае наличия той или иной степени контроля за ценой кривая спроса имеет наклон. Таким образом, в данном концепте конкуренция неожиданно превращается в *положение кривой спроса на графике*.

Авторитетный дискурс российских экономистов совмещает первый и третий концепт. Конкуренция представляет собой борьбу за рынок, однако ее описание осуществляется с помощью графических методов. Используя инструментарий Робинсон и Чемберлина, легко доказать, что в условиях конкуренции цены ниже, объем производства выше, а качество товара лучше, чем в условиях монополии. Этот концепт идеологически однозначен, а заодно и антиреалистичен: графики ничего не говорят о разоряющихся фирмах, приходящих в упадок “моногоородах” – рисунки, изображающие рыночное равновесие в условиях монополистической конкуренции или ценовой дискриминации 1–3 степени, рассказывают совсем другую “сказку”.

Отмечу также, что важный аспект рисунков – неявное допущение об однородности продукции⁵. Это обстоятельство позволяет игнорировать шумпетерианскую конкуренцию и перевести второй концепт конкуренции в “инновации” и “предпринимательство”.

В авторитетном дискурсе конкуренция выступает в качестве *панацеи* от неэффективности. Цены растут – недостаточно конкуренции; принимаются плохие законы – нет эффективной конкуренции на политическом рынке; плохое качество медицинских

³ Это обстоятельство, между прочим, и ставит под сомнение необходимость существования РАН и отраслевых ГНЦ. Хотя в авторитетном дискурсе они оказываются частью “национальной инновационной системы”, но встроить эти организации в малый и средний бизнес крайне затруднительно даже на уровне “сказок”. Отсюда идея, что отечественную науку необходимо “перезаформатировать”, превратив в эффективный бизнес по производству патентов, открытий и публикаций (последний показатель призван оценивать эффективность гуманитариев). Такой бизнес становится уже неотличим от “гаражных разработок” и легко встраивается в “инновационные цепочки”.

⁴ Стоит отметить, что в случае монополистической конкуренции по Чемберлину с помощью издержек сбыта можно повлиять и на положение и форму кривой спроса, так что “суверенитет потребителя” оказывается весьма ограниченным.

⁵ На нереалистичность этого допущения указывает Ф. Хайек [Хайек 2011].

или образовательных услуг – *везде надо внедрять конкуренцию*. Это высказывание представляет собой часть рассматриваемого перформативного сдвига. *Кто, какой субъект* должен внедрять конкуренцию? Очевидно, что это – “совет Господу Богу”⁶. Такие рекомендации, естественно, носят ритуальный характер, но социальный смысл ритуала и состоит в том, чтобы отделить “своих” от “чужих”; экономистов, осознающих волшебную силу конкуренции, от непосвященных, неспособных это понять.

Экономический человек. Становление модели экономического человека подробно рассмотрено в работах В. Автономова [Автономов 1998]. Однако из шести выделенных им обязательных признаков в авторитетном дискурсе обычно используются два – рациональность и эгоизм. Концепт “экономического человека” изначально предполагает, что это – определенный *алгоритм* принятия хозяйственных решений. Взятый сам по себе, этот концепт весьма инструментален, сильно зависит от контекста и представляется вполне реалистичным. Говоря об *алгоритмах*, можно было бы выделить дополнительные модели “инвестора”, “потребителя”, “новатора”, “предпринимателя” и т.д. и т.п.

Но в авторитетном дискурсе концепт экономического человека, как и конкуренция, неразрывно связан с концептом рынка. Последний же, как было показано ранее, распространяется практически на все социальные отношения, и, таким образом, модель экономического человека становится *моделью человеческого поведения вообще*. Забота о здоровье и приобретение знаний – инвестиции в человеческий капитал; дружба и обзаведение семьей – инвестиции в социальный капитал; честность – создание хорошей кредитной истории; получение ученой степени, звания или должности – покупка прав на статусную ренту. Обман партнера – оппортунизм; легальный захват чужой собственности – рейдерство; продажа плохого товара или услуги по высокой цене – использование информационной асимметрии и моральный риск. Оппортунизм, рейдерство, моральный риск увеличивают трансакционные издержки, человеческий и социальный капитал их снижают. В рамках концепта экономического человека *каждый актер имеет свою цену*, “алгоритм принятия хозяйственных решений” превращается в *модель определения стоимости* индивидов, фирм, городов, стран, которая определяет отношение к ним оценивающего субъекта. Это отношение не только и не столько “рассудочное”, использующее оценку “больше–меньше”, но во многом “эмоциональное”: богатый = здоровый = наслаждающийся = победитель, лучший; бедный = больной = страдающий = побежденный, завистливый.

Констатирующий элемент высказываний об экономическом человеке – вынесение суждения о том, что увеличивает/уменьшает богатство/доход индивида, учитывая горизонт планирования (краткосрочный – долгосрочный). Перформативный элемент – использование целого ряда экономических категорий, таких как инвестиции, капитал, трансакционные издержки, оппортунизм и т.д. для описания социальных взаимодействий, которые напрямую не имеют отношения к экономике. Поэтому этот концепт, в отличие от модели, описываемой Автономовым, является идеологическим и нереалистичным. Причем дело не в том, что человеческий и социальный капитал, как и моральный риск, – метафоры, такие же метафоры и общепринятые кривые спроса и предложения, предельные издержки и предельный доход. Проблема во внутренней согласованности категорий – Р. Солоу как-то заметил, что, используя понятия капитала, необходимо предусмотреть связанные с ним проблемы износа, выбытия, образования инвестиционных (амортизационных) фондов, связанных с его замещением или модернизацией. Как уже говорилось, здесь вводится неявное риторическое отождествление: здоровый, образованный = эффективный; богатый = честный; бедный = невежественный. Подобные взаимосвязи могут быть реалистичными лишь отчасти в конкретных ситуациях, но в авторитетном дискурсе они устанавливаются как правило, которое допускает лишь отдельные, случайные исключения. Экономический человек – главный

⁶ Определение большого корпуса научных трудов российских экономистов как принадлежащих к жанру “советов Господу Богу” было подсказано мне В. Широниным, за что я выражаю ему признательность.

герой “сказки о рынке”, где рациональное честное поведение вознаграждается ростом дохода и богатства, а обманщики и воры живут в бедности и страдают от невежества и болезней.

Государство. Концепт государства намного старше, чем концепт рынка, и старое, первоначальное понимание государства как *состояния (state) народа* ныне практически не используется. В старом концепте экономика еще не отделялась от политики. Государство имело определенную политическую форму – монархии, республики, каганата, царства и т.д.; различие между этими формами основывалось на механизме рекрутирования элиты, а также атрибутов, на которых строились социальные иерархии.

Современный концепт государства, в котором оно рассматривается как противоположность *обществу*, возникает только после работ Т. Гоббса. Здесь уже исчезает божественное основание господства (стандартная формулировка монархических указов: “властью, данной нам Богом...”). Право представителей государства судить других людей основывается на их согласии, делегировании части своих прав “Левиафану”, представителям государства. Государство же выступает гарантом личной безопасности граждан и охраняет их собственность: без Левиафана граждане оказываются в “естественном состоянии” постоянного конфликта друг с другом [Гоббс 1965]. Стоит подчеркнуть, что вместо оптимизирующей “невидимой руки” Смита саморегулирование общества по Гоббсу осуществляется с помощью гражданской войны, что исчерпывающе характеризует тогдашнее представление о рациональности “экономического человека”.

Одновременно, как показывает Б. Латур: “Для Гоббса власть есть знание; это означает, что если мы хотим положить конец гражданским войнам, то должны существовать только *одно* знание и только *одна* власть...” [Латур 2006, с.81]. Это представление сразу же оспаривается Р. Бойлем, известным физиком и одним из организаторов Королевского общества: “И вдруг после того, как Гоббс осуществил редукцию политического тела и свел его в одно целое, откуда-то появляется Королевское Общество, чтобы снова все разделить: несколько благородных джентльменов провозглашают свое право иметь независимое мнение в закрытом пространстве лаборатории, над которой государство не имеет никакого контроля... И вот мы снова, беспокоится Гоббс, ввергнуты в гражданскую войну! Мы уже не должны мириться с левеллерами и диггерами, оспаривавшими власть короля во имя собственной интерпретации Бога и свойств материи, – их уже полностью истребили, – но теперь нам надо смириться с этой новой кликой ученых, которая, во имя природы, примется оспаривать власть, кому бы она ни принадлежала, апеллируя при этом к фактам, целиком и полностью сфабрикованным в лаборатории!” [Латур 2006, с. 82–83].

Таким образом, “состояние народа” после появления общества и Левиафана не поменялось; знание по-прежнему, как показывает Латур, осталось “децентрализованным”. В этом смысле “Нового времени не было”, но возврат к старому пониманию государства был, видимо, уже невозможен.

Концепты государства и общества претерпевают длительную эволюцию. Как показывает С. Кордонский, ссылаясь на Г. Гегеля, “гражданское общество есть множество граждан государства (членов семей), взаимодействующих между собой вне семьи с целью удовлетворения своих общих – своекорыстных – интересов. Государство, по Гегелю, есть синтез семьи и гражданского общества, а само гражданское общество возникло из диалектических противоречий между семьей и государством. И если следовать классике, то ничего такого уж хорошего в гражданском обществе нет, ведь в нем манифестируются корыстные интересы частных лиц (*экономических людей* – добавление мое. – П.О.), которым тесно в семье и в государстве.

Оценки гражданского общества со времен классика немецкой философии полярно изменились. В традициях политического либерализма – рассматривать государство как вселенское, но необходимое зло. Государство ограничивает свободу, плодит агрессию, бедность, социальные пороки, а гражданское общество выступает за свободу и против

агрессии, оно заботится о бедных и обиженных судьбой. Гражданское общество противостоит государству: как добро противостоит злу, а свет – мраку” [Кордонский 2007, с.49]. Исходя из введенного нормативного деления, Кордонский ярко иллюстрирует сложившиеся порочные отношения между российским “неорганизованным гражданским обществом” и государством: “Солидные люди прогрессистских воззрений предпочитают не замечать обычные проявления гражданственности, считая их неприличными, негражданскими – в привычном для них значении этого понятия. Государство, по их мнению, несет ответственность за такие массовые модели поведения, как откос от призыва в армию, крышевание, уход от налогов, разного масштаба воровство (нецелевое использование) бюджетных денег и госимущества, готовность брать и давать взятки. Они внутренне не могут принять, что именно в негативе манифестируются наши отечественные общественно-гражданские отношения” [Кордонский 2007, с.53].

Естественно, что эта критика социолога была практически полностью проигнорирована российскими экономистами. Она никак не вписывается в авторитетный дискурс. В последнем концепт общества фактически совпадает с концептом рынка, рынок обеспечивает наиболее гармоничные отношения между людьми, увеличивая эффективность, доход и богатство. Все перечисленные Кордонским “массовые модели поведения” никак не связаны с обществом, это – порождения государства, которое не хочет (не умеет) вести себя рыночно (эффективно). В авторитетном дискурсе государство – *актор*, который вступает *в рыночные отношения* с другими, *равными ему* акторами: фирмами, домохозяйствами, банками и т.д. Отличие государства от других акторов, сохранившееся со времен Гоббса, – монополия права на насилие. В остальных сферах действует “вертикальный рынок”: государство меняет налоги на бюджетные услуги. Количество и объем налогов, как и состав и объем бюджетных услуг, – результат “расчета согласия” [Бьюкенен, Таллок 1997], осуществляемого на политическом рынке. Причем политики – тоже разновидность “экономических людей”: они рациональны и эгоистичны, заботятся об общественном благе только в условиях конкуренции и постольку, поскольку это совпадает с их личными интересами.

Такой концепт государства, будучи дополнен понятием коррупции, претендует на реалистичность. Но критика Кордонского легко маргинализируется с помощью уже рассмотренных концептов рынка, экономического человека и конкуренции⁷. Например, “откос от призыва в армию” – рациональное поведение домохозяйств, имеющих *разный* доход, уплачивающих *разные* налоги, и от которых требуется оказание *дополнительной равной*, одинаковой жертвы обществу, причем в натуральной форме, что неэффективно и несправедливо. Государство должно перейти к наемным, платным вооруженным силам; служба в армии – предмет торга. Воровство бюджетных средств

⁷ С. Кордонский хорошо понимает это и основывает свою критику на *отрицании наличия рынка* в России: «Рынок и капиталистические отношения, основанные не на освоении ресурсов, а на капитале и его расширенном воспроизводстве, до сих пор остаются для представителей всех постсоветских сословий чем-то совершенно невозможным. Как мне кажется, именно в силу сословного менталитета и специализированности на “освоении” ресурсов, а не на производящей деятельности, рынок и рыночные отношения обычно воспринимаются членами сословий как один из видов ресурсов, которые можно осваивать. Последние два десятилетия новейшей истории России можно рассматривать как открытие рынка как источника ресурсов, а потом его закрытие ввиду неизбежной социальной несправедливости, то есть возникающей при формировании рыночных отношений тех, кому “положено” их иметь по нормам сословной социальной справедливости» [Кордонский 2010, с. 39]. Для придания своим работам реалистичности Кордонский использует другие концепты, противоречащие авторитетному дискурсу: обмен = связи, блат; бюджет = обшак; товары, технологии, знания = ресурсы; производство, строительство = освоение ресурсов, распил; район, регион = поместье, должность = кормление, и т.д. Тот же дискурс использует в своих работах известный политолог Г. Павловский [Павловский 2012, с. 53]. Легко заметить генетическую связь этого общего “диссидентского” дискурса с концом 1980-х–началом 1990-х гг., когда СССР/РСФСР рассматривались как неправоное, криминальное государство; перформативный элемент высказываний Кордонского и Павловского состоит в верности этой традиции. Смысл констатирующего элемент данного дискурса – криминальным является не только государство, но и общество. Тем самым достигается общая делегитимация политико-экономического режима, суть которого за последние полвека не изменилась; только новая “номенклатура” сменила “старую” (старая номенклатура = новая элита).

и имущества – результат “фиаско” государства в тех сферах, где нет конкуренции, а потому невозможно эффективно организовать предоставление услуг, поэтому нужно передать соответствующие функции рынку. “Крышевание”, взятки – проявления коррупции.

В марксистской традиции бытовал тезис о неизбежности “отмирания государства”. В нынешнем авторитетном дискурсе присутствует императив “уменьшения государства” и постепенного его “растворения” в обществе. В России концепт государства неразрывно связан с оригинальным понятием коррупциогенности, которое, по-видимому, еще в конце 1990-х гг. ввел в оборот один из самых популярных экономических журналов – “Эксперт”. Это – размер “коррупционной ренты”, которую будут получать органы исполнительной власти в связи с принимаемым парламентом законами, регулирующими функционирование общественного сектора и оказание государственных услуг. Данный термин теперь широко применяется как в отечественных СМИ, так и в научных работах. Легко заметить, что, поскольку “коррупциогенность” присутствует в той или иной степени во всех – или большинстве – российских нормативных документах, постольку и государство в той или иной степени делегитимизируется и должно быть уменьшено, его функции должны быть переданы обществу (рынку).

Однако логика понятия коррупциогенности может получить (и отчасти получает) неожиданное продолжение: в той или иной степени коррумпированными оказываются и все те, кто обвиняют государство в коррупции, участвуя заодно в общем разделе российской собственности. Те, кто призывают к международному контролю и приоритету международного права над российским, не только в той или иной степени “коррумпированы извне”, но еще и виновны в государственной измене. Если государства на международном рынке представляют собой акторов, то почему бы им не коррумпировать друг друга с помощью своих *агентов влияния*?

Вообще говоря, любой правовой акт представляет собой соглашение – компромисс или даже консенсус – социальных групп, при этом государство выступает гарантом данного соглашения. Используя дискурсивный анализ, всегда можно сконструировать ситуацию, когда та или иная социальная группа будет “коррумпировать государство”, чтобы добиться односторонних преимуществ. В конце концов, даже если такого не наблюдается, в российском авторитетном дискурсе есть убийственная идеологическая конструкция *приватизации государства* чиновниками. Другими словами, государство, при отсутствии других акторов, может коррумпировать само себя.

Таким образом, концепт государства в авторитетном дискурсе оказывается амбивалентным: логика коррупциогенности с успехом применяется в прямо противоположных направлениях. В этом концепте сосуществуют три варианта описания, порождающих разногласия и дискуссии:

1) государство – *равноправный* участник (актор) рынка, производитель специфических (бюджетных) услуг. Из-за бюрократизации этот актер неэффективен и по возможности должен передавать производство и реализацию этих услуг обществу, в частный сектор. В этом случае его поведение можно описывать с помощью инструментов маржиналистского анализа, чем и занимается теория общественного сектора;

2) государство – не только актер, но и *арбитр*, отвечающий за соблюдение правил поведения на рынке. Выступая в качестве арбитра, государство может быть коррумпировано заинтересованными группами, но альтернативы ему нет, если не рассматривать в качестве таковой революцию и смену правящих элит. В этом концепте теория общественного сектора дополняется неинституциональными понятиями теории прав собственности, экономики права, и т.д. Соответственно, государство здесь должно каким-то образом “менять общество” и заключать с ним “новый общественный договор”⁸;

⁸ См., например, [Аузан 2006]. Правда, тут следует подчеркнуть, что “эта книга – не научное издание. В ее основу легла серия бесед с Александром Аузаном на актуальные темы, связанные со становлением российской государственности... А. Аузан излагает свою концепцию общественного договора не как профессиональный ученый, а как публицист, популяризатор теоретического знания” [Аузан 2006, с. 3].

3) государство – *главный* актер, способный применять к рынку (обществу) стимулы и санкции, осуществлять экономическую политику разных типов (кейнсианскую, монетаристскую, дирижистскую и пр.). В этом варианте коррупционность становится неважна, главное – величина налогового бремени, ставка рефинансирования ЦБ, объем денежной массы и другие рычаги регулирования. В качестве такового актора государство выступает в макроэкономике.

Третий вариант претендует на наибольшую реалистичность и связь с действительностью, но плохо сочетается с другими концептами авторитетного дискурса. У них разные “языки описания”. Напротив, первые два варианта органично дополняют авторитетный дискурс. Законы здесь рассматриваются как активы, приносящие возрастающую отдачу, борьба за власть – вариант конкуренции, коррупция – информационная асимметрия, где агент обманывает принципала. Налицо и перформативный сдвиг: государство должно быть подчинено обществу, в противном случае в России провозглашается: “я Родину люблю свою, а государство – ненавижу” (А. Розенбаум). Обсуждение вопроса о том, могут ли существовать страна и общество без государства, в авторитетном дискурсе не допускается.

Методологический индивидуализм. Вокруг правильного понимания принципов методологического индивидуализма продолжают идти дискуссии (см., например, [Рубинштейн 2012; Тамбовцев 2013; Курдина 2013; Автономов 2014]. Первоначальный концепт этого инструментария, предложенного Шумпетером, был весьма узок и предлагался к использованию в микроэкономических исследованиях: «Под “социологическим индивидуализмом” мы понимаем широко поддерживавшуюся в XVII и XVIII вв. точку зрения, согласно которой суверенный индивид представляет собой базовую единицу исследования в общественных науках. Все социальные феномены сводятся к решениям и действиям индивидов, которые не следует далее анализировать с привлечением надындивидуальных факторов. В той мере, в какой эта точка зрения представляет собой теорию социального процесса, она, конечно, неприемлема. Однако из этого не следует, что для специальных целей конкретных исследований недопустимо начинать с анализа того или иного поведения индивидов без обращения к факторам, определяющим это поведение. Поведение домохозяйки на рынке можно анализировать, не углубляясь в изучение сформировавших его факторов. В этом случае мы говорим о “методологическом индивидуализме”» [Шумпетер 2001, с.1172].

Однако в российском авторитетном дискурсе ныне используется совсем другой концепт, который можно охарактеризовать с помощью популярного афоризма М. Тэтчер: “Такой вещи, как общество, не существует. Есть отдельные мужчины, отдельные женщины, и есть семьи”. Тем самым надындивидуальные факторы полностью отрицаются, а основным аналитическим приемом становится *интроспекция*.

Но российский концепт методологического индивидуализма – не философский солипсизм. Ни один экономист не отрицает объективности существования других реальных субъектов – будь-то своих коллег, индивидов, домохозяйств, фирм. В отношении изучаемых объектов вводится важное требование *репрезентативности*. Другими словами, в таком методологическом индивидуализме речь постоянно идет о *типичном* домохозяйстве, *типичной* фирме, *типичном* (западном, рыночном) государстве. “Типичность” позволяет, далее, сконструировать все, что угодно, – от “общества”, которое обозначается просто как сумма индивидов, до институтов, представляющих собой правила, которыми будут руководствоваться эти типичные акторы. Институты уже заложены в природе типичных акторов: им остается лишь осознать, какие правила наиболее выгодны и приводят к наименьшим транзакционным издержкам. “Экономический человек” “выбирает законы” так же, как он выбирает (изобретает) технологии. Если же иррациональное государство ему мешает в построении “эффективных институтов”, то действует другое правило: “где хорошо, там и родина”. Рациональный эгоистический индивид заключает общественный договор с российским государством, а если последнее не идет ему навстречу, то у него большой выбор из других государств – “переговорщиков”. Поэтому государства (и регионы) конкури-

руют между собой, заимствуя (осуществляя трансплантацию) наиболее эффективные институты, формируя “благоприятный инвестиционный климат”. Эмигрируют же из России непременно “лучшие”, обладающие большим человеческим (да и финансовым) капиталом, и едут они в богатые страны (богатство для страны – такой же признак здоровых, “правильных” институтов, как высокий доход – свидетельство честности, образованности и здоровья “экономического человека”).

Требование репрезентативности дополняет уже упоминавшееся в связи с концептом конкуренции условие однородности, что позволяет экономистам широко использовать *дедукцию*. В результате методологический индивидуализм позволяет создавать непротиворечивые, совпадающие с внутренними переживаниями исследователя (интроспекция) модели (миры), которые являются репрезентативными. И это можно делать, не отходя от письменного стола, не занимаясь организацией эмпирических наблюдений, в том числе предлагаемых Ефимовым в рамках дискурсивного анализа интервью. Любое эмпирическое исследование вызывает массу проблем – его нужно каким-то образом структурировать, выдвинуть гипотезы, понять степень репрезентативности, решить, насколько результаты соответствуют “общим тенденциям” (то есть использовать неизбежно неполную индукцию), и т.д. Эмпирическое описание может выходить (и как правило выходит) за пределы концептов авторитетного дискурса, так что выводы, которые основаны на нем, легко доступны для критики.

Концепт методологического индивидуализма, как он используется в авторитетном дискурсе, становится своеобразным “замковым камнем”, объединяющим рынок, конкуренцию, экономического человека и государство. Использование этого концепта *упраздняет проблему соответствия теории и реальности*: репрезентативность обосновывается через логическую непротиворечивость, исследователь конструирует свой правдоподобный мир [Сагден 2012]⁹, и этого достаточно. Так завершается перформативный сдвиг: научное высказывание представляет собой рекомбинацию уже имеющихся концептов и аналитического инструментария. Неоднородность, иррациональность, нерыночная социальная регуляция не то чтобы совсем отрицаются, но ситуации, в которых они наблюдаются, нерепрезентативны.

Явные и латентные функции экономической науки

Как в свое время показал Р. Мертон, социальные институты обладают как явными, так и латентными функциями [Мертон 2006]. Экономическая наука как социальный институт располагает механизмом воспроизводства экономистов, каналами трансляции того, что считается экономическим знанием, методами сбора необходимых данных (фактов) и правилами их обработки и анализа. К явным функциям, очевидно, относится поиск экономических закономерностей, объяснение происходящего, разработка прогнозов и рекомендаций. К латентным функциям принадлежат, например, увеличение публикаций на экономическую тему, борьба за общественное мнение и финансовые ресурсы, пропаганда “передовых экономических идей” и многое другое. При этом, несмотря на вторичный, подчиненный характер этих функций, они могут приобретать особое значение, иногда даже большее, чем получение нового экономического знания. Так, функция распространения авторитетного экономического дискурса, его *пропаганда*, уже давно приобрела в России важнейшую роль.

Пропаганда, конечно, не является прерогативой исключительно экономической науки: в той или иной мере эта латентная функция присуща всем дисциплинам, от медицины до ядерной физики. Специфика доминирующего авторитетного экономического дискурса состоит, однако, в том, что используемые ныне концепты *нейтральны по отношению к реальности*, более того, зачастую они позволяют отрицать существую-

⁹ Кроме того, еще К. Поппер показал, что какая-либо достаточная эмпирическая проверка теории *a priori* невозможна, а предложенный им взамен верифицируемости принцип фальсифицируемости теорий хорошо сочетается с подходом к теориям как “правдоподобным мирам” [Поппер 1983].

щую и конструировать иную реальность, не связанную с действительностью. Опять-таки, такая ситуация не есть что-то новое для экономической науки. Политэкономика социализма, будучи теорией общества, в котором оставалось два дружественных класса, использовала концепты, непосредственно связанные с классовой борьбой, искала “диалектические противоречия”, которые позволили бы объяснить “развитие”. Напрашивается сравнение экономики с теологией: и там, и там используется преимущественно дедукция, обе дисциплины нейтральны по отношению к реальности, выполняют полезную функцию объяснения гармоничного устройства природы и общества, необходимости полезного созидательного труда и рациональности, и т.д. Впрочем, это сравнение гуманитариев вообще и экономистов в частности с жрецами было сделано еще Т. Вебленом¹⁰. Снотворно-седативный эффект, доставляемый читателям многими экономическими текстами, по-видимому, следует рассматривать как несомненно полезный для здоровья и самих экономистов, и общества в целом.

Сегодняшнюю “сказку”, которую рассказывают отечественные экономисты, используя авторитетный дискурс, по-моему, необходимо отнести к жанру вульгарного, упрощенного либерализма¹¹. Мораль сказки в том, что государство “должно обеспечить эффективную, равноправную конкуренцию”, “поддерживать инновации и малый бизнес”, “защищать права собственности”, “снижать налоговое бремя”, развивать “рынки образовательных и медицинских услуг”, а “рационально мыслящие индивиды”, движимые “заботой о собственном благе и достатке своей семьи”, в ответ “увеличат предложение труда”, “повысят креативность”, и в совокупности все это вместе приведет к росту ВВП, повышению “рейтингов экономической свободы и конкурентоспособности”, и Россия войдет в “дружную семью народов цивилизованных стран”. Если что-то не получается на этом пути, то еще с советских времен известно, что “необходимо расширить и углубить”, но никак не “сворачивать с курса реформ”.

Либералам не стоит удивляться тому негативу, который по отношению к ним сформировался в российском общественном мнении: любая сказка, если повторять ее достаточно долго, надоедает и начинает раздражать. Вдобавок, если продолжать ее рассказывать на фоне ухудшающегося качества образования и медицины, растущей социальной дифференциации, стагнации и диспропорциональной структуры экономики, то раздражение будет только увеличиваться, а со временем перерастет и в ненависть.

Проблема, которая возникает при конструировании правдоподобных миров, заключается в их самодостаточности: они не требуют связи с эмпирией. Р. Сагден заметил: “В... своей статье я несколько раз упоминал об удивившей меня общей черте работ Акерлофа и Шеллинга. У меня создалось впечатление, что оба автора хотели выступить с эмпирическими утверждениями о некоторых свойствах реального мира, обосновывая их с помощью моделей. Однако, при более тщательном изучении текстов, мне не удалось обнаружить явным образом выраженную связь между моделями и реальным миром...”

Я полагаю, что объяснение загадки в том, что Акерлоф и Шеллинг увлеклись теоретизированием, полезность которого зависит от возможности распространения полученных с помощью модели индуктивных выводов на реальный мир... в местах, где необходимы индуктивные умозаключения, экономисты оставляют явные пробелы в эксплицитном обосновании, надеясь, что их устранят сами читатели, прибегнув к помощи интуиции. Не удивляйтесь, если вы заметите, что в стремлении скрыть эти разрывы от посторонних глаз, экономисты обращаются к арсеналу риторики” [Сагден 2012, с. 516–517].

¹⁰ “Образование... зарождается как побочный результат деятельности праздного класса жрецов, а высшее образование, до недавнего времени по крайней мере, оставалось побочным продуктом или побочным занятием духовенства” [Веблен 1984, с. 336].

¹¹ Вероятно, с этим подходом не согласились бы многие из “истинных либералов”, что тоже не ново. В свое время Маркс, ознакомившись с трудами кого-то из своих последователей, заявлял, что “если это – марксизм, то я не марксист”.

Авторитетный дискурс российского экономиста также самодостаточен: внутри него могут существовать *задачи*, но не *проблемы*. Задача предполагает наличие цели, а также приемов и ресурсов, достаточных для ее решения; в отличие от нее проблема не может быть устранена без пересмотра оснований размышления и действия проблематизированного субъекта. Но подобный пересмотр означает, в частности, обсуждение границ реалистичности концептов авторитетного дискурса, что в свою очередь ставит под сомнение всю сложившуюся иерархию символической власти. Более того, такой пересмотр может привести к вынесению большей части высказываний и текстов российских экономистов за границы науки, как содержащих, в основном, перформативный, “идеологический” элемент дискурса. Насколько сообщество российских экономистов способно на такую рефлекссию – проблема социологии, а не экономической теории. Трудно сказать, как долго нынешний авторитетный дискурс будет оставаться таковым. Ирония истории в том, что либерализм в России вполне может повторить судьбу марксизма, несмотря на принципиальные разногласия между этими идеологиями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Автономов В.С. (2014) Еще несколько слов о методологическом индивидуализме // *Общественные науки и современность*. № 4. С. 53–56.
- Автономов В.С. (1998) Модель человека в экономической теории и в других социальных науках // *Истоки: вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли*: Вып. 3. М.: ГУ–ВШЭ. С. 24–71 (<http://ecsocman.hse.ru/text/19151770/>).
- Аузан А. (2006) *Переучреждение государства: общественный договор*. М.: Европа.
- Балацкий Е.В. (2014) *Дискурсивная экономика и ее возможности* // *Общественные науки и современность*. № 1. С. 163–176.
- Бурдые П. (1994) Поле интеллектуальной деятельности как особый мир // Бурдые П. *Начала*. М.: Socio-Logos. С. 208–221.
- Бьюкенен Дж., Таллок У. (1997) *Расчет согласия* // Бьюкенен Дж. Соч. М.: Таурус Альфа. С. 31–206.
- Веблен Т. (1984) *Теория праздного класса*. М.: Прогресс.
- Гоббс Т. (1965) *Левиафан* // Гоббс Т. *Собр. соч.* В 2 т. Т. 2. М.: Мысль.
- Ефимов В.М. (2011^a) *Дискурсивный анализ в экономике: пересмотр методологии и истории экономической науки*. Ч. I // *Экономическая социология*. № 3. С. 15–53.
- Ефимов В.М. (2011^b) *Дискурсивный анализ в экономике: пересмотр методологии и истории экономической науки*. Ч. II. // *Вопросы регулирования экономики*. № 3. С. 5–79.
- Кирдина С.Г. (2013) *Методологический индивидуализм и методологический институционализм* // *Вопросы экономики*. № 10. С. 66–89.
- Кламер А. (2015) *Странная наука экономика: приглашение к разговору*. М., СПб.: Изд-во Института Гайдара–Международные отношения.
- Кордонский С. (2007) *Ресурсное государство: Сборник статей*. М.: REGNUM.
- Кордонский С. (2010) *Россия. Поместная федерация*. М.: Европа.
- Латур Б. (2013) *Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества*. СПб.: Изд-во Европейского университета.
- Латур Б. (2006) *Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии*. СПб.: Изд-во Европейского университета.
- Лоусон Т. (2012) *Что может предложить реализм?* // *Философия экономики*. М.: Изд-во Института Гайдара. С. 429–446.
- Мертон Р. (2006) *Явные и латентные функции* // Мертон Р. *Социальная теория и социальная структура*. М.: АСТ. С. 105–187.
- Мизес Л. фон (2000) *Человеческая деятельность*. М.: Экономика.
- Найшуль В.А. (1990) *Высшая и последняя стадия социализма* (http://www.libertarium.ru/1_libnaul_brezhnev#ch3).
- Норт Д. (1997) *Институты, институциональные изменения и функционирование экономики*. М.: Фонд экономической книги “Начала”.
- Павловский Г. (2012) *Гениальная власть! Словарь абстракций Кремля*. М.: Европа.
- Поппер К. (1983) *Логика и рост научного знания*. М.: Прогресс.
- Робинсон Дж. (1986) *Экономическая теория несовершенной конкуренции*. М.: Прогресс.

Рубинштейн А. (2008) Дилеммы экономиста-теоретика // Вопросы экономики. № 11. С. 62–80.

Рубинштейн А.Я. (2012) Социальный либерализм: к вопросу экономической методологии // Общественные науки и современность. № 6. С. 13–34.

Сагден Р. (2012) Правдоподобные миры // Философия экономики. М.: Изд-во Института Гайдара. С. 475–518.

Сонин К. (2011) Уроки экономики. М.: Юнайтед пресс.

Тамбовцев В.Л. (2013) Методологический анализ и развитие экономической науки // Общественные науки и современность. № 4. С. 42–53.

Хайек Ф. (2011) Смысл конкуренции // Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. Челябинск: Социум. С. 111–127.

Ходжсон Дж. (2003) Экономическая теория и институты. Манифест современной институциональной экономической теории. М.: Дело.

Чемберлин Э. (1996) Теория монополистической конкуренции (Реориентация теории стоимости). М.: Экономика.

Шумпетер Й. (1982) Теория экономического развития (Исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры). М.: Прогресс.

Шумпетер Й. (2001) История экономического анализа. СПб. В 3 т. Т. 3. СПб.: Экономическая школа.

Юрчак А. (2014) Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение.

Authoritative Discourse of Russian Economist

P. OREKHOVSKY*

* **Orekhovsky Peter** – doctor Habilitatus in Economics, professor, chief research fellow of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences; professor of the Financial University under the Government of the Russian Federation. Address: 32, Nachimovsky av, Moscow, 117218, Russian Federation. E-mail: orekhovskypa@mail.ru.

The paper deals with the basic concepts of modern Russian economic discourse. It is proved that the principal becomes performative rather than ascertaining element statements. Ideology, which belongs to the authoritative discourse – vulgar liberalism forming the same approach to the markets of medical, educational, sexual, religious and other goods and services. Authoritative discourse allows the construction of “probable worlds”, but in general it is neutral in relation to reality. Moreover, some of the theory in this discourse can be openly anti-realistic. Using the concept of methodological individualism allows to eliminate the problem of matching theory and reality. As a result, the main function of science is not to gain new economic knowledge, but the propaganda that unites economy and theology.

Keywords: discourse, theory, reality, market, competition, economic man, state, methodological individualism.

REFERENCES

Auzan A. (2006) *Pereuchrezhdenie gosudarstva: obshhestvennyj dogovor* [Being Re-State: the Social Contract]. Moscow: Evropa.

Avtonomov V.S. (2014) Eshhjo neskol'ko slov o metodologicheskom individualizme [A Few More Words about the Methodological Individualism]. *Obshhestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 53–56.

Avtonomov V.S. (1998) Model' cheloveka v jekonomicheskoy teorii i v drugih social'nyh naukah [Model Man in Economic Theory and Other Social Sciences]. *Istoki: voprosy istorii narodnogo hozyaystva i jekonomicheskoy mysli*. Vol. 3. Moscow: GU-VShE. Pp. 24–71. (<http://ecsocman.hse.ru/text/19151770/>).

Balatsky E.V. (2014) Diskursivnaja ekonomika i ejo vozmozhnosti [Discourse Economy and Its Possibilities]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 163–176.

Bourdieu P. (1994) Pole intellektual'noj dejatel'nosti kak osobyj mir [The Field of Intellectual Activity as a Special World] // Bourdieu P. *Nachala* [Beginnings]. Moscow: Socio-Logos, pp. 208–221.

Buchanan J., Tullock G. (1997) Raschjot soglasija [Calculus of Consent: Logical Foundations of Constitutional Democracy] // Buchanan J. *Soch.* [Works]. Moscow: Taurus Alpha, pp. 31–206.

Chamberlin E. (1996) *Teorija monopolisticheskoj konkurencii (Reorientacija teorii stoimosti)*. [The Theory of Monopolistic Competition (A Re-Oriented of the Theory of Value)] Moscow: Ekonomika.

Efimov V.M. (2011^a) Diskursivnyj analiz v ekonomike: peresmotr metodologii i istorii ekonomicheskoj nauki. [Discourse Analysis of the Economy: Review of the Methodology and History of Economics] Part I. *Economic Sociology*, vol. 12, no. 3, pp.15–53.

Efimov V.M. (2011^b) Diskursivnyj analiz v ekonomike: peresmotr metodologii i istorii ekonomicheskoj nauki [Discourse Analysis of the Economy: Review of the Methodology and History of Economics] Part II. *Voprosy regulirovanija jekonomiki*, vol. 2, no. 3, pp. 5–79.

Hayek F. (2011) *Smysl konkurencii* [Sense of the Competition] // Hayek F. *Individualizm i ekonomicheskij porjadok* [Individualism and Economic Order]. *Cheljabinsk: Socium*, pp. 111–127.

Hobbes T. (1965) *Leviathan* [Leviathan] Vol. 2 // Hobbes T. *Izbr. soch. V 2 t.* [Collected Works] In 2 vol. Moscow: *Misl*:

Hodgson G. (2003) *Ekonomicheskaja teorija i instituty: Manifest sovremennoj institucional'noj ekonomicheskoj teorii* [Economics and Institution. A Manifesto for Modern Institutional Economics]. Moscow: *Delo*.

Kirdina S.G. (2013) Metodologicheskij individualizm i metodologicheskij institucionalizm [Methodological Individualism and Methodological Institutionalism] *Voprosy ekonomiki*, no. 10. pp. 66–89.

Klamer A. (2015) *Strannaja nauka ekonomika: priglashenie k razgovoru* [Speaking of Economics: How to get in the conversation]. Moscow–St. Petersburg: Izd-vo Instituta Gajdara–Mezhdunarodnye otnoshenija.

Kordonsky S. (2007) *Resursnoe gosudarstvo. Sbornik statej* [Resource State: a Collection of Articles]. Moscow: REGNUM.

Kordonskij S. (2010) *Rossija. Pomestnaja federacija* [Russia: the Manor Federation]. Moscow: Evropa.

Latour B. (2013) *Nauka v dejstvii: sledujaz uchjonymi i inzhenerami vnutri obshhestva* [Science in Action: How to Follow Scientists and Engineers through Society]. St. Petersburg: Izd-vo Evropejskogo universiteta.

Latour B. (2006) *Novogo Vremeni ne bylo. Esse po simmetrichnoj antropologii* [New Time was not. Essays on symmetrical anthropology]. St. Petersburg: Izd-vo Evropejskogo universiteta.

Lawson T. (2012) Chto mozhet predlozhit' realizm? [What Has Realism Got to Do With It?] *Filosofija jekonomiki* [The Philosophy of Economics. An Anthology]. Moscow: Izd-vo Instituta Gajdara, pp. 429–446.

Merton R. (2006) Javnye i latentnye funkcii [Explicit and Latent Functions]. Merton R. *Social'naja teorija i social'naja struktura* [Social Theory and Social Structure]. Moscow: AST, pp. 105–187.

Mises L. fon (2000) *Chelovecheskaja dejatel'nost'* [The Human activities]. Moscow: Ekonomika.

Naishul V.A. (1990) *Vysshaja i poslednjaja stadija socializma* [The highest and last stage of socialism] (http://www.libertarium.ru/1_libnaul_brezhnev#ch3).

North D. (1997) *Instituty, institucional'nye izmenenija i funkcionirovanie ekonomiki*. [Institutions, Institutional Change and Economic Performance]. Moscow: Fond jekonomicheskoj knigi "Nachala".

Pavlovsky G. (2012) *Genial'naja vlast'! Slovar' abstrakcij Kremlya* [Genius power! Dictionary abstractions Kremlin]. Moscow: Evropa.

Popper K. (1983) *Logika i rost nauchnogo znanija* [Logic and the growth of scientific knowledge]. Moscow: Progress.

Robinson J. (1986) *Ekonomicheskaja teorija nesovershennoj konkurencii* [The economic theory of imperfect competition]. Moscow: Progress.

Rubinstein A.I.J. (2012) *Social'nyj liberalizm: k voprosu ekonomicheskoj metodologii* [Social Liberalism: the issue of economic methodology]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 13–34.

Rubinstein Ar. (2008) Dilemmy ekonomista-teoretika [Dilemmas of Economic Theorist]. *Voprosy ekonomiki*, no. 11, pp. 62–80.

Schumpeter J. (2001) *Istorija ekonomicheskogo analiza* [The History of Economic Analysis]. Vol. 1–3. S.-Petersburg: Ekonomicheskaya chkola.

Schumpeter J. (1982) *Teorija ekonomicheskogo razvitija (Issledovanie predprinimatel'skoj pribyli, kapitala, kredita, procenta i cykla kon''junktury)* [The Theory of Economic Development (Study of business profits, capital, credit, interest and cycle conditions)]. Moscow: Progress.

Sonin K. (2011) *Uroki ekonomiki* [Lessons of Economy]. Moscow: United Press.

Sugden R. (2012) Pravdopodobnye miry [Credible Worlds: the status of theoretical models in economics] // *Filosofiya ekonomiki* [The Philosophy of Economics. An Anthology]. Moscow: Izd-vo Instituta Gajdara, pp. 475–518.

Tambovcev V.L. (2013) Metodologicheskij analiz i razvitie jekonomicheskoy nauki [Methodological Analysis and the Development of Economic Theory] *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 42–53.

Veblen T. (1984) *Teorija prazdnogo klassa* [The Theory of the Leisure Class]. Moscow: Progress.

Yurchak A. (2014) *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'*. *Poslednee sovetskoe pokolenie* [Everything was Forever, Until it was no More]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

© П. Ореховский, 2015